

Чехов на нашей сцене

К 90-летию со дня
рождения А. П. Чехова.

«В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли», — эти слова из пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» были записаны в дневнике московской школьницы Зои Космодемьянской, в числе самых дорогих для нее мыслей. Великий русский писатель Антон Павлович Чехов участвовал в формировании души народной героини, чей образ войдет в века.

Чехов всем своим творчеством разоблачал социальную несправедливость, обличал мещанство и обывательщину, бичевал карьеризм, праздность и лень, непрестанно напоминал о тяжелом положении трудящихся в капиталистическом обществе. Возбуждая своими произведениями ненависть к самодержавному строю, Чехов был и художником утверждения, глубоко верившим в то, что его родина безгранично богата замечательными, ослепительными и сильными людьми. В своих произведениях он показал множество обывоченных, рядовых людей, прекрасных своим трудом и своими мечтами.

Лучшими свойствами русского национального характера Чехов считал трудолюбие и неукротимое стремление к свободе.

Эти черты народа воплотились и в драматургии А. П. Чехова, завершившей развитие русского критического реализма.

Пьесы Чехова будили тревожные мысли о противоречиях между высоким назначением человека и той тяжелой действительностью, в которую он поставлен в капиталистическом обществе.

Великие деятели русского театра Е. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко, поняв эту суть чеховского творчества, сумели раскрыть глубину и красоту идейно-художественных особенностей его пьес. Художественный театр разгадал один из коренных принципов драматургии Чехова: скрытую красоту в обыкновенных, внешне заурядных людях.

Демократизм Чехова выражался и в чутком внимании к «маленьким» людям. Эта особенность нашла выражение в важнейшем принципе Художественного театра —

принципе ансамбля. Он сводится к тому, что любая роль в спектакле, даже состоящая из нескольких слов, является полноценным художественным образом.

Первые чеховские спектакли Художественного театра наполняли зрителя горькими раздумьями над жизнью, над смыслом собственного существования. Однако эти лирические, взволнованные спектакли, убеждая в ценности человека и в неизбежности прихода прекрасного будущего, не указывали конкретного выхода из жизненных противоречий и пути к этому будущему. Сам Чехов критиковал многих из своих героев за недостаточную действенность и активность, за неумение упорно бороться за свои идеалы. Чехов восторженно приветствовал образ нового, передового русского человека в лице рабочего-революционера Нила, героя пьесы Горького «Мещанин».

В дореволюционные годы Художественный театр, при всей глубине проникновения в дух чеховских пьес, не до конца раскрыл характер героев Чехова. Астров и Тузенбах представляли перед зрителем как благородные, но бессильные мечтатели. Они не знали, как бороться за счастье, их идеалы были смутны и неопределенны. Чехов, бесстрашно говоря правду о жизни и веря в то, что жизнь будет иной, не знал, как добиться счастья.

И все же он не был безвольным и бессильным мечтателем. Он умел показать и страстную жажду жизни, труда, счастья. Художественный театр не сумел тогда подчеркнуть эту волевою устремленность пьес Чехова.

Если до революции не смог до конца раскрыть все стороны чеховского творчества лучший русский театр, то провинциальные театры тем менее могли это сделать.

Только советский народ является истин-

ным наследником лучших достижений культуры прошлого. Раскрытые методом социалистического реализма, пьесы Островского и Гоголя, Тургенева и Чехова, воскресая на сцене советского театра, вдохновляют зрителей.

Для классических пьес теперь найдены новые яркие средства сценического воплощения. Театры раскрывали идейно-художественное богатство этой драматургии на основе самого передового марксистско-ленинского мировоззрения. Философская глубина мыслей и гуманистическое, жизнеутверждающее начало, которое живет в драматургии Островского и Шекспира, Гоголя и Мольера, с необыкновенной содержательностью и остротой были раскрыты в советском театре — самом передовом театре в мире.

Исторически МХАТ был прав в своем первоначальном толковании и раскрытии чеховских драм, но после революции стало ясно, что есть в чеховской драматургии такие стороны, которые еще не раскрыты.

Спустя почти сорок лет после первых постановок чеховских пьес, Художественный театр в 1940 году вновь обратился к Чехову, поставив «Три сестры». Постановщик спектакля В. И. Немирович-Данченко сказал перед началом репетиций:

«Жизнь не только совершенно переменилась, но и наполнила нас самих — как художников — новым содержанием, направила нас по пути, с которого нужно и можно по-иному, свежо взглянуть на Чехова, заново почувствовать Чехова... Прежде мы не так глубоко задумывались над главными идеями пьесы, над идейным стержнем ее... Это было скорее углубление Чехова, чем глубокий анализ... Мы должны отнестись к этой пьесе, как к новой, со всей свежестью нашего художественного подхода к произведению».

Новая постановка «Трех сестер» отнюдь не порывала с традициями Художественного театра. В этом спектакле сохранилось то лучшее, что было в прежних чеховских постановках. Но искусство советского

Художественного театра стало мужественнее, поэтичнее, окрыленнее. Изображая трагедию заглубленных человеческих жизней, театр подчеркивал в героях Чехова их силу, а не слабость.

Общее настроение спектакля соответствовало замыслу В. И. Немировича-Данченко, определившего его следующими словами: «Из неясной, изломанной, запутанной жизни, где все превращается в усталость и неулачу, возникает не бытие, не хныканье, а нечто активное, не лишенное элемента борьбы, — тоска о лучшей жизни».

Такое же глубокое понимание социального смысла, более целенаправленное толкование образов, придание им большей уверенности и решительности характеризует работу над драматургией Чехова и советского периферийного театра, которому под силу ретать задачи создания высококачественного спектакля.

В этом отношении серьезным опытом нового и глубокого прочтения Чехова явилась постановка Свердловским драматическим театром «Дядя Ваня» (1944 г.). (Постановка главного режиссера Е. Бриль, художник А. Кузьмин).

Спектакль Свердловского театра, поставленный к смотру спектаклей русской классической драматургии, был признан на смотре одним из лучших. Следует отметить, что коллектив обратился к пьесе «Дядя Ваня» в те годы, когда она еще не была заново поставлена в Москве и Ленинграде.

Критика отмечала, что театру во многом удалось раскрыть драматизм, заложенный в чеховской пьесе, и показать героев пьесы гораздо более мужественными, чем это делалось до сих пор. Раскрывая трагедию талантливых русских людей, надломленных уродливой жизнью той поры, театр, как писали рецензенты, показал, что жизненный путь героев не обрывается в непроглядную ночь. Как ни тяжела душевная драма, которую переживают дядя Ваня, Астров, Соня, — они оказываются не сломленными, и каждый продолжает выполнять свой нравственный долг.

В августе 1944 года спектакль Свердловского театра был показан общественности столицы на сцене филарлы Художественного театра. Газета «Правда» писала

по этому поводу: «Эта постановка вкayne интересна. «Дядя Ваня» почему-то отсутствует в репертуаре московских театров. Попадобился приезд в Москву коллектива Свердловского драматического театра, чтобы ожить перед московскими зрителями образы Сони, Астрова, дяди Вани».

Интересна постановка «Дяди Вани» сама по себе. Интересна и тем, что дает возможность свести знакомство с одним из лучших областных театров... Успех театра не случаен. Он свидетельствует о высоком уровне театральной культуры в Свердловске».

На спектакле присутствовали мастера МХАТ — выдающиеся русские актеры, народные артисты Союза ССР В. И. Качалов, И. М. Москвин, М. М. Тарханов.

В книге отзывов театра после спектакля появились интересные записи.

«Участникам спектакля «Дяди Вани». Полюбил я вас. Простите за совет: пора вам поверить себе больше — отбросьте слово играть и действуйте. Думайте о втором плане, волнуйтесь по хорошему и все. До свидания, дорогие товарищи! М. Тарханов. Москва, 4. VIII. 44 г.».

На следующий день, 5 августа, И. М. Москвин написал:

«Я очень сожалею, что уезжаю из Москвы завтра утром и не смогу обменяться с вами, дорогими моими товарищами, живым словом по поводу спектакля «Дядя Ваня» А. Чехова. Приятно удивлен, что вы за такой короткий срок, как сорок дней, смогли сделать этот спектакль, в котором много есть подлинного, но есть еще немало недоработанных мест. Чеховский текст передается превосходно, но не везде он положен на подкладку настоящих человеческих переживаний, кое-где сквозит привычная, условная актерская манера. Но это дело поправимое: среди вас, как я вижу, немало прекрасных артистов, настоящих мастеров нашего искусства, вот с их помощью и с помощью режиссера вы, когда найдете возможным, пересмотрите свою достойнейшую работу и внесите нужные поправки, главным образом по внутренней, психологической линии некоторых ролей, и тогда это будет очень большой вашей уда-

чей. Примите мой сердечный привет. И. М. Москвин».

А 7 августа В. И. Качалов такими словами приветствовал коллектив:

«Рад приветствовать, товарищи, вашу хорошую, талантливую работу над «Дядей Ваней». Поздравляю с пелым рядом интересных улач и находок режиссерских и исполнительских. От души приветствую. Василий Качалов».

Шесть лет живет спектакль «Дядя Ваня» на сцене Свердловского драматического театра. Секрет его долголетия в том, что в процессе работы над спектаклем была глубоко и верно вскрыта идея пьесы, и в том, что театр, следуя советам старших товарищей из МХАТ, не прекращал исканий, критически пересматривая старые решения.

В нынешнем, 1950 году — в год своего двадцатилетия — Свердловский драматический театр вновь обратился к чеховской драматургии и, развивая линию, начатую «Дядей Ваней», репетирует пьесу «Чайка».

Это — благородная, хотя и трудная задача. И в этой пьесе есть то, что соединяет лучших людей нашего народа в прошлом с нами сегодня: это — нестигаемая воля к жизни, осознание общественно-нравственной цели в труде и творчестве. Пьеса «Чайка» проникнута чеховским суровым оптимизмом, оптимизмом подлинной силы, который не прячет голову под крыло от трудностей жизни, а смело направляет крылья для полета, наперекор всем препятствиям. Именно это и характеризует собой подлинных чеховских героев. Пусть иные из них ошибались во многом, но в каждом из них мы чувствуем порыв чайки — сюда, к нам, в нашу сегодняшнюю жизнь, и узнаем прекрасную душу русского человека.

Вот почему Чехов участвует в воспитании нашего народа. Вот почему Ленин ценил и любил его творения, а Сталин поставил его имя в ряд самых священных имен русского народа.

Я. ФЕЛЬДМАН,
заведующий кафедрой
искусствозведения Уральского
драматического института.

29 ЯНВ 1950

Р. В. С. Свердловск